

Культура, - 1998, - 22 янв, - с. 13

СНЫ РАТМАНСКОГО

Екатерина ПЕТРОВА

Название нового балета — "Сны о Японии" — еще задолго до его премьеры рисовало в воображении какие-то очень красивые картины: цветущая сакура, балерины в ярких кимоно и с веерами в руках, танцовщики в белых костюмах самураев (как в спектакле М.Безжара "Кабуки"), неспешные проходы по сцене, замедленные движения, долгие взгляды... В общем, нечто романтически-экзотическое, рожденное самим сочетанием слов: "сны" и "Япония".

Но ничего подобного в спектакле Алексея Ратманского не

было. Совершенно пустая сцена затянута в черный бархат (художник М.Махарадзе). В глубине, в большом светлом прямоугольнике (фон его неоднократно меняется по ходу балета, порой создавая иллюзию струящейся воды), — начертанный черной тушью японский иероглиф, означающий слово "сон". Семь участников балета появляются в костюмах, покроем и цветом которых не сразу ассоциируются с нашими традиционными (а может быть, поверхностными?) представлениями о Японии.

Ратманский, прекрасно понимая, что ждут зрители от спектакля с таким названием, сознательно обманывает их ожида-

ния, отказываясь не только от воспроизведения этнографически точных примет, отсылающих к японской культуре, но и от какой-либо стилизации пластики, приближающей ее к японскому национальному танцу. Молодой балетмейстер избирает принципиально иной путь: он создает свои собственные фантазии о Японии и о театре Кабуки. Ведь именно сюжеты из четырех знаменитых пьес театра Кабуки и использованы в его спектакле.

Но эти японские сюжеты изложены хореографическим языком европейской страны. Они вполне интерпретированы балетмейстером, воспитанным на классическом танце. Да и сами пьесы тоже выбраны не случайно. Их роднят поистине вечные сюжеты: девушка-журавль, поющая о своей несчастной судьбе; призрак, объединяющий в себе два духа погибших любовника и любовницы, который преследует супружескую чету (эта история выглядит, пожалуй, самой непонятной и наименее интересно поставленной); девушка, превратившаяся из-за неразделенной любви в огненную змею; маска льва, приросшая к лицу человека и заставляющая неистово танцевать... Последняя новелла — технически сложный монолог, требующий редкой виртуозности, — неожиданно раскрыла индивидуальность А.Уварова — романтически настроенного, вечно печального принца балетных сказок.

Н.Ананиашвили (чья исполнительская манера всегда отличалась интеллигентностью и благородством) в миниатюре о девушке-змее предстала в необычном, экстравагантном облике злобной фурии в красном трико с экзотически разрисованным лицом. Она намеком (и не всерьез) обозначила в своей фантастической героине черты Хозяйки Медной горы и Леди Макбет из известных балетов. В "звездном" составе этого спектакля, включающего Н.Ананиашвили, Т.Терехову, И.Петрову, С.Филина, А.Уварова, А.Фадеечева, появился и молодой солист Д.Гуданов, заявивший о себе как о танцовщике пластически чутком.

Ратманский обратился к традиционной японской музыке (со-

чинения японских композиторов переложены для инструментального ансамбля В.Гришным). Причудливые перепады ритма, агрессивное нарастание звука, отрывистые, резкие выкрики-аккорды, доносящиеся из оркестровой ямы, — вот главный указатель "японской первоосновы" балета.

Изобретательность хореографа в сочинении самых разнообразных комбинаций движений тут кажется неисчерпаемой. Его новому спектаклю (как и "Прелестям маньеризма") присущи изысканность, подкупающая "наивность" и спасительная ирония. Стремление к камерности, пристрастие к малым формам и бессюжетным балетам вообще свойственны работам А.Ратманского. За прошедший год им поставлено четыре одноактных спектакля: три в Москве, один — в Киеве. Причем два из них с разрывом ровно в месяц ("Каприччио" И.Стравинского и "Сны о Японии") осуществлены на сцене Большого театра с участием лучших солистов. За последние десятилетия в нашем балете трудно найти аналог столь удачно складывающейся балетмейстерской карьере талантливого танцовщика, не достигшего еще даже 30 лет.

Спектакль, премьера которого прошла с безусловным успехом, некоторых зрителей разочаровал своим внешним несоответствием японской культуре, но ведь это всего лишь сны о Японии. А сны, как известно, всегда непредсказуемы.

"Сны о Японии" Н. Ананиашвили